

Я решил написать не привычное предисловие, а только послесловие к этой книге. Когда вы прочтете "Перекрёсток", уверен, сможете меня понять.

Владимир Чеповой

ГЛАВА 1 · ИНСАЙТ

«Каждый человек, появляющийся в твоей жизни, все события, которые с тобой происходят, – все это случается с тобой потому, что это ты притянул их сюда.

И то, что ты сделаешь со всем этим дальше, ты выбираешь сам».

Ричард Бах, «Иллюзии»

Игроки замерли, наблюдая за тем, как шарик монотонно крутится на рулетке. Наконец он остановился...

– Ну, мужик, ну ты даешь! – только и смог вымолвить ошарашенный Жора-Царь. – Это же 66 тысяч «зелени»!

– Я поставил на свое любимое число, – усмехнулся Клим. Пожалуй, он был единственным из присутствующих, кто с самого начала и до конца сохранял полное спокойствие и невозмутимость.

– Фартовый ты парень! – не унимался Царь. – Обыграть казино практически невозможно, но, видно, фортуна, как и все твои бабы, от тебя просто без ума! Поздравляю, тебе действительно чертовски везет! – и он хлопнул товарища по плечу.

Клим ответил тем же, но почему-то слова «чертовски везет» его впервые покоробили. Как говорил старый друг Сема, «с лукавым шутки плохи». А вот везение — что правда, то правда. Госпожа Удача действительно к нему очень благосклонна, и этот выигрыш — очередной ее знак.

— Смотри не увлекись этим делом, — с завистью и иронией посоветовал Жора, глядя, как Клим с трудом утрамбовывает в барсетку и рассовывает по карманам свой выигрыш. — А то игроманом можешь стать!

— Прикол удался, — рассмеялся Клим, заказывая напоследок бутылку вискаря «от победителя». — Тем более, что я страдаю другой вредной зависимостью — работоманией. Совмещать опасно.

— Кстати, работоман, завтра на утро наша «стрелка» остается в силе? Я присмотрел для тебя несколько симпатичных земельных «пяточков» за городом. Для твоей будущей усадьбы — то, что надо!

— Давай в обед, потому что утро у меня уже занято — надо забежать к врачу.

— Ты что, заболел?

— Да нет, это так, пустяки, для общей профилактики...

* * *

— Как вы себя чувствуете? — с порога спросил доктор, не отрывая глаз от снимков.

— Нормально! — несколько вызывающе ответил Клим. — А что?..

— Потери сознания, кровотечения не было в последнее время? — Иван Иванович отложил снимки.

— Ну что, док, жить буду? — проигнорировал вопрос Клим, глядя в упор на заведующего отделением.

— Климентий Александрович, — сказал доктор, выдержав короткую паузу. — Комплексное обследование, которое вы прошли, позволило нам получить полную картину головного мозга и сделать окончательный диагноз. Так вот... Картина неутешительная... У вас опухоль — злокачественная. Хотя я до последнего момента надеялся ошибиться...

— Значит, у меня — рак?

— Да.

Воздух сгустился и обрушился на голову железобетонной плитой.

— Сколько мне осталось? — Клим сам не узнал свой голос и сделал глубокий глоток из протянутого стакана воды. — Только давайте конкретно и без хождений вокруг да около. Мне нужно знать.

— Точно этого никто не знает. К сожалению, упущено очень много времени. Вы слишком долго игнорировали первые симптомы, характерные для начальной стадии. Это же надо — целый год терпеть постоянные головные боли и не обращать внимания на тошноту!

— Какая у меня сейчас стадия? — резко перебил Клим.

— Третья. Вы — достаточно умный и сильный человек, поэтому и сами прекрасно понимаете, что это значит... Конечно, самый оптимальный вариант — оперативное удаление опухоли. Но биопсия чаще выполняется на ранних стадиях заболевания и после предшествующей лучевой или химиотерапии, чего мы не успели сделать.

— Давайте по-русски! — оборвал Клим, меряя быстрыми шагами кабинет заведующего. — То есть, череп вы мне, слава Богу, вскрывать не будете?

— К сожалению, опухоль слишком запущена и очень труднодоступна для полного удаления... Клим Александрович, прошу вас, присядьте, пожалуйста, и успокойтесь — безвыходных ситуаций не бывает.

— Да я и так почти покоен! — огрызнулся Клим и тут же осекся: — Простите, док, просто мне не каждый день объявляют смертный приговор...

— А я вам его и не объявляю! У вас — молодой и крепкий организм, будем бороться...

Остальное происходило как во сне, а может, как в кино. Буквально пару дней назад он смотрел фильм с таким же началом. Клим вошел в состояние штопора. Как из вязкого тумана или из дальней комнаты, до него эхом долетали некоторые обрывки фраз Ивана Ивановича: «современные методы лечения...», «попробуем подключить радиотерапию...», «у меня в практике были случаи чудесного исцеления...», «эффект плацебо — великая вещь»... Его мозг категорически отказывался слышать и воспринимать весь этот поток информации. «Я сейчас проснусь, — мелькнуло в сознании Клина, — и закончится весь этот кошмар...» Он изо всех сил сжал кулаки, так, чтобы почувствовать боль в ладонях, но...

— Нужно мобилизовать все свои внутренние ресурсы, и тогда вероятность выздоровления существенно возрастает, — откуда-то прорвался решительный голос доктора. — Границы возможностей больного простираются гораздо дальше,

чем простое следование всем врачебным рекомендациям. Клим, с этой минуты вы должны принять активное участие в борьбе за жизнь и взять на себя ответственность. Ответственность за то, чтобы проанализировать или даже пересмотреть те из представлений и чувств, которые лично вам мешают бороться за жизнь. Вы меня простите за эту, может, не совсем уместную лекцию, но жалостью тут не поможешь...

— Я в ней меньше всего нуждаюсь! — отрезал Клим вместо прощания.

* * *

Он шел на «автопилоте». Шел долго и медленно. Куда? Зачем? Он не знал, вернее, не соображал. Первый раз в жизни он **не соображал**, куда идет!

«Какая глупость! Это нелепая случайность! Это не со мной... ЭТОГО НЕ МОЖЕТ СО МНОЙ ПРОИЗОЙТИ!!! НИКОГДА!!!»

«Но ведь произошло! — шепнул внутренний голос не без доли иронии. — Ты думал, что у тебя все чисто и гладко? А вот на тебе, получай — красный стоп-сигнал...»

— Идиот! Жить надоело?! — испуганно выкрикнул водитель, заглушая пронзительный скрип тормозов.

Клим безразлично посмотрел на яркие фары автомобиля, практически уткнувшиеся ему в бок, и совершенно не в тему вспомнил, что сегодня ему надо было забрать свой «джип» со станции техобслуживания.

«Надо было... Было надо... Да НИЧЕГО уже не надо! И никому он уже не должен. И не будет должен. СКОРО. НИКОГДА».

...Клим оказался в глубине старого парка, знакомого ему с детства. Остановился, посмотрел по сторонам. Тишина и покой; остатки золотой осени медленно кружили в виде серебристых паутинок и желтых листьев. «В последнюю осень...» — промурлыкало подсознание известную строчку из репертуара «ДДТ».

«А эта осень у меня действительно ПОСЛЕДНЯЯ!» — на удивление спокойно подумал Клим и глубоко вдохнул воздух с запахом влажной свежести. И вдруг с выдохом заорал... Нет, это долго сдерживаемый крик сам наконец вырвался на свободу.

Это был пронзительный и страшный рев раненого зверя, исходивший из самой глубины его сердца. Где-то вдалеке тревожно отозвались вороны и разлетелись в разные стороны с верхушек деревьев.

Немного отпустило. Когда-то очень давно, еще на заре юности, он таким образом снимал накопленное напряжение — уходил далеко в лес и выкрикивался в пустоту до изнеможения, до тех пор, пока не чувствовал полного облегчения и освобождения от негативных эмоций. Он нащупал в кармане смятую пачку сигарет. Та оказалась пустой. «Вот, черт! — мысленно выругался Клим. До спазмов хотелось курить. — Но раз еще остались какие-то желания — значит, я пока жив!»

— А-ну, цыц! — прокричал он, адресуя команду собственному мозгу. Последняя, не последняя — какая уже на фиг разница? Еще не хватало впасть в сентиментальную дурь и преждевременно вытянуть ноги!

«Итак. Подводим итоги, — он изо всех сил старался навести относительный порядок

в голове. — Мягко скажем, диагноз, конечно, хреновый... Но я пока что нормально функционирую, не утратил способность соображать и действовать. А то, что упустили время для операции... Даже к лучшему! Док сам говорил, что последствия могли быть самыми непредсказуемыми, и лучше прожить отведенный остаток в здравом уме, чем в растительном состоянии... Забавно получилось! Еще утром я даже представить себе не мог, что через каких-то несколько часов буду терзать себя вопросом: как провести оставшееся время? Вот она, непредсказуемость жизни...» — уже более отстраненно подумал Клим, покупая сигареты в ближайшем киоске.

«Интересно, а как поступает человек, когда узнает, что его счетчик включен и пронзительно тикает, отсчитывая последние дни, часы, минуты и секунды жизни?» — чуть позже спросил он у себя, с наслаждением выпуская в воздух седые кольца сигаретного дыма. — Сколько моделей поведения существует, сколько разных ситуаций! Наверняка большинство напивается до чертиков и заливает слезами все подушки; кто-то строчит завещание и пишет прощальные письма, кто-то «приходит к Богу» и проводит остаток своих дней в благоговейном состоянии святого мученика, кто-то напоследок бросается во все тяжкие... А мои действия? Рыдать не буду — это сто процентов, письма писать некому, да и не люблю, а бросаться в «тяжкие» — и без того бери-не хочу в моей жизни! Церковь. Идея неплохая, но... Все эти исповеди, причастия и духовные очищения, о которых любит рассказывать мама, дело хорошее, но уж очень далекое от моего мироощущения и восприятия. Хотя,

смотрел слегка уставший, но весьма интересный молодой мужчина: высокий, хорошо сложенный, с тонкими волевыми чертами лица, на котором особенно выделялись очень выразительные глаза — светло-серые, пытливые и пронзительные, как будто бы держащие все на прицеле.

«Говорят, что на онкобольных есть особая печать», — размышлял Клим.

«Печать смерти», — подсказал внутренний голос, и Клим вздрогнул, как от резкого удара. Он отвернулся от зеркала и направился к своему рабочему столу, достав из шкафа начатую бутылку коньяка — в последнее время это стало проверенным средством от внезапных приступов боли. Пятьдесят капель приятным теплом разлились по телу, но не освободили от свинцового давления где-то в глубине головы.

«Все превратится в прах...» — выскользнули из подсознания известные строки. — Как это? Не видеть, не чувствовать, не думать?..» Мелкая леденящая дрожь... Как с ней бороться? Сейчас он ощущал себя совершенно незащищенным и беспомощным, как брошенный ребенок. Он, Стальной босс, президент и полноправный хозяин крупной процветающей компании. Ее название у всех ассоциировалось с обязательными успехом и победой — «Виктория». Карьеру он начал рано, продвигался быстро и стремительно, поэтому к 33 годам достиг того, о чем многие в этом возрасте только начинают мечтать. Сертификаты, грамоты, награды... «Лучшая инвестиционно-строительная компания», «Успех года»...

— Твою!.. — громко выругался Клим и со всего размаху врезал кулаком в стену. «И это что, тоже

все прахом пойдет?! Все его победы, достижения, накопленный капитал... Кому это все теперь нужно, и кстати, кому достанется? Его матери, единственному родному и любящему человеку, которая вряд ли сможет пережить его смерть? Его так называемым замам и помощникам, не вложившим в становление дела, если разобраться, ни одной своей извилины, ни частички своей энергии? Или, может, все раздать по кусочкам своим любимым женщинам? Так их всех не припомнишь, да и какие они, к черту, любимые...

Деньги, капитал... Да при чем тут это? Не хватает чего-то очень важного и главного, ради чего, наверное, и стоило жить, ради чего и теперь стоит бороться... Но что это? Зачем надо было жить?..»

Его мысли внезапно прервала Лидочка, постукавшаяся в дверь:

— Климентий Александрович, Пал Палыч грозит влезть через окно! Говорит, что неотложное дело — государственной важности.

— Ладно, пусть влазит, но только — через дверь! — поморщился Клим.

Через несколько секунд он, не скрывая недовольства, смотрел на исполнительного директора компании.

— Ну и что у тебя за горящее дело республики?

— А с тобой все в порядке? — настороженно спросил Трухин, вываливая на стол большую пачку документов. — С налоговой проблемы или наш любимый банк преподнес новые сюрпризы?

— Павел, у меня нет никаких проблем! — отрезал Клим, — А если и возникают, как ты выражаешься, сюрпризы, то я их тут же решаю. Или ты об этом до сих пор не знаешь? Давай по существу.

— Ладно, Клим, это я так, к слову... — сконфуженно замялся Трухин, прекрасно зная, что такой прищуренный и стальной взгляд босса не предвещает ничего хорошего. — Просто ты сегодня немного... обеспокоенный.

— Да, я слегка обеспокоен тем, что ты нарушил необходимое мне уединение, — с этими словами Клим взял первую бумагу из увесистой пачки, скользнул взглядом по документу. — Я так понимаю, что с «Нептуном» возникли накладки?

— Если это вообще можно назвать накладками! — выдохнул Трухин и моментально покраснел, покрылся испариной.

«Видно, большие проблемы», — отрешенно подумал Клим, уже досконально изучив реакцию своего сотрудника на различные ситуации.

— Ну!.. — Клим настойчиво буравил сталью прищуренные от испуга глазки.

— Мы проиграли этот тендер! — залпом выпалил Трухин и покраснел еще больше в ожидании взрыва.

Клим продолжал молча на него смотреть, и исполнительный директор, воспользовавшись неожиданной паузой, торопливо заговорил:

— Климентий Саныч, я знаю, как для тебя и для всех нас был важен этот объект, но дело приняло совершенно неожиданный оборот, и ситуация резко вышла из-под контроля. Какая-то крупная западная фирма по гостиничному строительству пронюхала, что на территории Крыма «завалаялся» такой лакомый земельный кусочек, и в последнюю минуту перекрыла нашего «Нептуна». Сегодня с утра перезвонил сам Олейник, сказал, что к тебе дозвониться не может, принес свои

извинения и, грубо говоря, поставил нас перед «факью». Шкура продажная! Я понимаю, что он на импортные миллионы купился, а то, что мы с ним уже по рукам ударили...

— Ну и что? — спокойно сказал Клим, втайне наслаждаясь округлившимися от удивления глазами Трухина. — А где ты сейчас видел, Паша, людей, умеющих хранить силу рукопожатия и слова? Безнадежно, говоришь? Тогда немедленно уладь все вопросы, связанные со строительством, и постарайся чем-нибудь занять и утешить «Астру-Нова», пока там еще не успели настроить наполеоновских планов. Да расслабься ты, а то сидишь, как начинающий йог на гвоздях. Теряют иногда и больше!

Наверное, если бы в этот самый момент над городом пролетела стая свиней, Трухин удивился бы гораздо меньше. В критических обстоятельствах (хотя они случались крайне редко) президент, или Стальной босс, как его называли в кулуарах компании, действовал быстро, решительно и жестко. Он тут же увольнял непригодных сотрудников (неужели его, Пашу, пронесло?), ставил на уши всю компанию и мгновенно начинал действовать, после чего всеми правдами и неправдами разруливал в свою пользу самые тяжелые и запутанные ситуации. «А тут ноль эмоций и, что самое непонятное, ноль реакции», — растерянно думал Трухин, взирая на президента, напоминающего молчаливого сфинкса на своем пьедестале.

А ведь все в компании знали, насколько важна эта сделка для босса: строительство крупнейшего гостинично-развлекательного комплекса «Нептун» на благодатных крымских землях было делом номер один последних нескольких лет

их работы. Сколько сделок Клим для этого провернул, сколько переговоров провел, всю крымскую власть, наверное, напоил и накормил... А их дочернее строительное предприятие «Астра-Нова»? Спит и видит себя на «стройке века!» «Наверное, это мне тоже все снится!» — Трухин лихорадочно пытался найти объяснение столь феноменальному явлению.

— Кстати, Паша, — как ни в чем не бывало и совершенно благодушным тоном сказал Клим, — организуй-ка наших ребят сегодня на вечер. Давненько мы не отдыхали просто так, по-человечески! Начнем с казино, а там — куда душа попросит. Гуляем до утра — я угощаю!

Трухин окончательно лишился дара речи.

— У тебя что, какой-то праздник?! — проямлил он, силясь оторваться от стула.

— Жизни! — усмехнулся Клим и хлопнул ошалевшего сотрудника по плечу.

— Ну что? Ты сам вышел или тебя вынесли? — прямо в коридоре набросился на Трухина осунувшийся от напряжения первый зам Левченко.

— Лева, можешь спать спокойно, по крайней мере эту ночь, — пробормотал Трухин, пытаясь прийти в себя. — Сегодня нас не увольняют, потому что у шефа намечается грандиозный праздник жизни, на который — дыши глубже — мы все приглашены! Ох, чует мое сердце что-то неладное... Видно, Саныч таким изощренным образом решил организовать корпоративные похороны.

«Значит, «Нептун» ушел под воду», — задумчиво резюмировал Клим, оставшись один в кабинете и машинально раскладывая бумаги по папкам. Сегодня жизнь открыла для него еще одну, доселе неизвестную, свою сторону. Оказывается, то, что было навязчивой манией долгие месяцы и казалось крупнейшей жизненной целью, может лопнуть за одну секунду как мыльный пузырь. А для этого Ивану Ивановичу понадобилось произнести всего три слова... **«Рак. Головного. Мозга»**, — тут же подсказал услужливый внутренний голос, вероятно, затосковавший за последние несколько часов своего бездействия. А Клим почувствовал, как к его шее прикоснулись липкие и холодные пальцы СТРАХА, а на голову навалилась тяжелая бесформенная масса.

«Моя задача номер один — не оставаться наедине со своими мыслями и все силы бросить на работу, даже если придется делать вид, что мне все это по-прежнему не безразлично», — твердо решил он, залпом выпивая рюмку «дежурного» коньяка. Но он прекрасно понимал, что **как раньше**, уже ничего не будет.

«Вот как оно, с непривычки бывает: и с «Нептуном» облажался, и Пашку чуть до смерти не напугал...» — нервно рассмеялся Клим.

«Кстати, о СМЕРТИ, — тут же подумал он, еще раз наполняя рюмку, — вот не станет меня — и что будет с «Викторией», кому достанется «Астра»? Они же, как мои родные дети — в них столько сил и энергии вложено! Даже доверить и порекомендовать некому!.. Вот достанется им такой слабый и трусливый «отчим», как Трухин, или лицемерный и скользкий Левченко, если ему, конечно, под-

наверное, жаль, что я так и не успел наладить деловые контакты со Всевышним...»

Он зашел в маленький пивной бар и заказал бокал пива — время приостановилось, и ему вдруг захотелось растянуть это непривычное для него состояние «ничего неделания». Полутемный зал был пропитан застоявшейся смесью перегара и дешевого табака. Толстая и медлительная официантка с сонным лицом лениво смахнула пепел и крошки с барной стойки и поставила перед ним пенящийся бокал. «А пиво-то у них — гадость редкая, да и покуда плохо вымыта», — усмехнулся Клим, рассматривая липкие разводы на стекле. Вчера он даже не посмотрел бы в сторону подобного заведения, а если бы ему в каком-то ресторане подали напиток не по вкусу... Но это было вчера.

Клим опять усмехнулся и закурил, чтобы заглушить хорошим табаком прогорклый пивной привкус. Он почему-то вспомнил, как совсем недавно, на его дне рождения, один из гостей провозгласил тост: «Наконец по возрасту ты сравнялся с Христом! Это обязывает ко многому, поэтому желаю тебе завершить дело каждого настоящего мужчины — посадить дерево и вырастить сына. А остальное у тебя и так уже есть!»

«Вот я дурак! — подумалось теперь Климу. — Говорили же мне: не отмечай эту дату — примета плохая! Так нет же, меня, как всегда, понесло... И что? Дерево так и не посадил, а сына даже в планы не успел включить. Зато домов понастроил — светлая мне память!»

Клим отличался завидной способностью быстро собираться в любых экстремальных ситуациях и выпускать наружу всю свою иронию

и сарказм, что помогало не задерживаться надолго в критическом состоянии. Здесь, конечно, были несколько иные обстоятельства, но все же... А может, это вонючая забегаловка и горькое пиво пошли на пользу — тумблер переключился, сознание прояснилось. И вот он уже вернул звук своему мобильному телефону. Кто бы сомневался — куча непринятых вызовов и полученных сообщений! Как всегда, он нужен половине города и его окрестностям. Клим глубоко вдохнул и, сбросив остатки оцепенения, уверенно остановил такси.

* * *

— Сегодня у босса аукцион невиданной щедрости! — откровенничала на офисной кухне молоденькая секретарша Лидочка. — Собрание отменил, отчеты не потребовал и меня на час раньше согласился отпустить без своего коронного: «А на каких основаниях?»

— ...Даже платежки подписал не глядя! — подхватила главбух Тамара Михайловна. — Щось у лісі здохло...

— А вы все-таки не расслабляйтесь, девочки, — вклинилась в разговор менеджер по персоналу Ирина. — Не сегодня завтра этот аукцион быстро закроется! Наш стальной босс и человеческий гуманизм — понятия несовместимые.

Клим закрылся у себя в кабинете, строго-настрого приказав никого не впускать и не соединять с ним по телефону, по крайней мере в течение ближайшего часа.

Несколько минут он просто рассматривал себя в зеркале, как будто бы впервые увидел свое отражение. Да нет, ничего не изменилось... На него